
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ

Э.Э. Шульц

Кафедра международных отношений
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
ул. Ульянова, 2, г. Нижний Новгород, Россия, 603005

В статье на примере Русской революции 1917 г. анализируется одна из ключевых и наиболее распространенных точек зрения исследователей на революции как путь модернизации государств. Автор дискутирует с устоявшимся в современной историографии представлением о том, что причины и последствия революций обусловлены задачами модернизации государства, не способного решить внутренние проблемы путем реформ. Автор приходит к выводу о том, что революция становится структурной причиной модернизации государства, в которой ее составные части (урбанизация, индустриализация, демократизация) структурно взаимосвязаны, но размещены на длительном временном промежутке. Единственным, по мнению автора, признаком, в чем тезис модернизации в ходе революции не может быть оспорен, – это изменение социальной структуры общества.

Ключевые слова: модернизация, Русская революция, теория революции, концепция модернизации, урбанизация, индустриализация.

Введение

Обоснование темы. В рассуждениях о Русской революции, ее причинах, роли и последствиях исследователь неизбежно сталкивается с проблемой «модернизации»: модернизационных процессов в России начала XX в., прерывании этих процессов и выстраивании новых, модернизационных функций самой революции и постреволюционного развития.

В последнее время идеи модернизации в ходе революций стали носить почти безапелляционный характер, выстраиваясь в устойчивый стереотип: причины и последствия революции – это задачи модернизации в государст-

ве, которое неспособно решить эти проблемы путем реформ. Эти утверждения в полной мере «перекочевали» и на Русскую революцию.

Цель и задачи. Данная статья посвящена анализу концепции модернизации государства в результате революций на примере Русской революции [1].

Обзор литературы. Модернизационная теория своими корнями уходит в эпоху Просвещения и базируется на идее прогресса [2]. Главными теоретиками модернизации в XIX – начале XX в. считаются К. Маркс, Э. Дюркгейм и М. Вебер [3].

Конкурирующие версии теории модернизации получили новый всплеск после Второй мировой войны, когда капиталистические и коммунистические супердержавы выдвинули свои модели развития. В конце 1950-х – 1960-е гг. теория модернизации была одной из самых популярных в западном полушарии [4]. Авторы данной теории – Т. Парсонс, Э. Шилз, У. Ростоу и ряд других – вкладывали в понятие модернизации идею технологического продвижения, урбанизации, роста доходов, увеличения грамотности и развития средств массовой информации [5].

В 1970-е гг. теория модернизации подверглась критике и была объявлена умершей [6]. В 1990-е теория модернизации получила новое рождение [7], причем «поколение 90-х» предпочитало говорить больше о «постмодернизации», чем о «модернизации» [8]. В отечественной историографии исследовательская мысль сосредоточилась на положении о догоняющей модернизации, которая стала выдвигаться в качестве причины Русской революции [9].

Модернизация определяется как переход от традиционного, аграрного общества к городскому, индустриальному [10], который сопровождается индустриализацией, урбанизацией, профессиональной специализацией и более высоким уровнем образования [11], причем существует корреляция между модернизацией и демократией, так как социальные изменения неминуемо ведут к демократизации [12].

Подход к революциям как к методу и пути модернизации государства также уходит корнями к идеям Просвещения и Великой французской революции (в соответствии с которыми революция рассматривалась как путь продвижения к новым, более совершенным, общественным отношениям) [13], а также к положениям Маркса, согласно которым революции завершаются переходом к более прогрессивной формации [14].

«Вторую жизнь» теория модернизации в революции получила в последней трети XX в. и связана в первую очередь с именем израильского социолога Шмуэля Эйзенштадта.

Революции, по убеждению Эйзенштадта, влекут за собой изменения, направленные на модернизацию большинства аспектов социальной жизни, на экономическое развитие и индустриализацию, централизацию и расширение круга участвующих в политическом процессе [15]. Эйзенштадт увязывал термин «модернизация» и «modernity» («современность») с цивилизацией Нового времени [16].

Эйзенштадт считал, что «современность» (modernity) является отличным типом цивилизации, и этот тип цивилизации развивался в одной из Больших Осевых Цивилизаций – христианско-европейской [17]. При этом Эйзенштадт отстаивал концепцию множественной модернизации, которая утверждает, что «западные образцы» современности, хотя и являются историческими предшественниками и продолжают быть основным ориентиром для других, не являются единственными образцами и путями модернизации [18].

Два значения, которые выдвигал Эйзенштадт, понимая *modernity* как *Новое время* и как *современность*, создали принципиальную проблему: революции ведут к стандартам, которые задало Новое время революциями в Англии и Франции, или происходит ориентация на современность – догнать в развитии передовые страны своего времени. Эта расплывчатость в дефинициях породила существенные расхождения в подходах. Под модернизацией стали понимать не столько «modernity» и «обновление», сколько «усовершенствование», т.е. создание чего-то принципиально лучшего, достижение более высокого уровня.

Затем кроме усовершенствования под модернизацией стали понимать обязательную индустриализацию, экономический рост, политическое и военное превосходство и т.д., в том числе «формирование сильной в экономическом, политическом, военном, научном и иных отношениях страны при росте благосостояния ее населения» [19].

В 1970-е гг. Теда Скокпол в качестве одного из основных выводов исследования высказала мысль о том, что после революций поднимаются более централизованные и бюрократические государства, сильные во внутренних делах и влиятельные в международных отношениях [20]. Этот вывод с вариативной степенью изменений стал тиражироваться в различных работах [21]. В результате в качестве последствия модернизации, которая является результатом революции, стало называться усиление власти, ее концентрация и большая централизация, что приводит к усилению самого государства, в первую очередь на международной арене.

Если систематизировать подходы в современной историографии, то получим три основных принципа модернизации после революций.

1. Модернизация как принцип приведения экономики, социальной и политической системы государства к принципам, сложившимся в развитых странах Нового времени.

2. Приведение к современному состоянию, под которым понимается состояние наиболее передовых стран этого времени: модернизация экономики с ориентиром на мировых лидеров с целью выдержать конкуренцию, т.е. «догнать и перегнать», составить конкуренцию в угрожающей внешней среде.

3. Укрепление власти, которое ведет к укреплению государства и его роли на международной арене.

Исследование проблемы

Действительно, в результате всех революций или последовательности революций в одном государстве или воздействия революций и сильного влияния стран, в которых эти революции уже состоялись и произвели изменения (Англия и колонии, влияние наполеоновских войн, последствия Первой и Второй мировой войны), социальная структура и экономика государств изменялась в сторону «эталонов» Нового времени, созданных Нидерландской, Английской, Американской и Французской революциями, т.е. они проводили модернизацию по первому принципу.

Безусловно, в так называемых менее развитых странах, имевших иные исторические традиции до Новейшего времени, результаты этих революций не дают полного совпадения с европейскими и северо-американскими аналогами, но и в России, и в странах Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Ближнего Востока и Африки в результате революций (что и выделяет их из других политических или протестных акций – как перевороты, восстания и др.) произошло упразднение привилегированных сословий. «Третье сословие» стало составлять основу общества как законодательно, так и фактически; экономика пошла по «капиталистическому пути» в вариациях, связанных с культурно-историческими традициями и особенностями идеологии. Новое время и его продолжение – это эпоха капитализма с его особенностями и различными путями развития.

Второй и третий принципы вызывают серьезные возражения.

Об идее «модернизационного ориентира» в развитии стран в результате революций можно говорить только в связи с Русской революцией (хотя в отношении некоторых революций середины XIX в., в частности, возможно, Германии, Италии, Швейцарии, Швеции, также это будет справедливо).

Русская революция была первой революцией, в которой так ярко проявились идеи модернизации по западному образцу и построения самого прогрессивного строя путем перепрыгивания через этапы развития с целью «догнать и обогнать» развитые капиталистические страны. В XX в. эта идея и «шаблон» были восприняты большинством революций. Отсюда, собственно, и появилась идея модернизирующих функций революций по второму принципу. Однако идеи революционеров еще не означают, что революция действительно «занималась» модернизацией.

Третий принцип – укрепление власти, которое ведет к укреплению государства, его силы и роли на международной арене. На первый взгляд, действительно, Франция при Наполеоне стала представлять большую силу и играть большую роль на международной арене, чем при последнем монархе. Но большую ли, чем при Людовике XIV всего менее чем за столетие до этого? Революции в Италии, Швейцарии, Германии середины XIX в., действительно, укрепили власть в этих государствах и сделали их сильнее, но здесь

речь идет не просто о революциях, а о совмещении революционных процессов с процессами объединения земель в этих государствах.

Безусловно, единые государства стали сильнее и получили более сильную власть. Если вернуться к примеру Китая (который вместе с примером России стал основополагающим в выводах Т. Скокпол), то, как известно, он не выбился в мировые лидеры в результате революции, а серьезно считаться с Китаем как с влиятельным государством в регионе стали только с 1990-х гг. XX в., т.е. спустя полвека после самой последней революции в стране. В уровень не только т.н. «мировых держав», но и региональных лидеров не вышло после революций почти ни одно государство Латинской Америки, Юго-Восточной Азии или Африки. Таким образом, выводы Т. Скокпол, которые нашли многочисленных приверженцев, кажутся, как минимум, не бесспорными. Более того, революции в странах Южной Америки и Юго-Восточной Азии не сделали эти страны индустриальными и сверхдержавами, с сильным международным влиянием. Выводы о таких последствиях революций сделаны исключительно на примерах Английской, Французской, Русской и Китайской революций. Причем в первых двух примерах описанное положение уже принадлежало этим странам и революции его не изменили, а в двух последних эти изменения произошли через несколько десятилетий после революций в связи с необходимостью выживания в войне (в случае с Россией) и проведением реформ (в случае с Китаем).

Бертран Жувенель уверял: «чтобы уяснить истинное значение революции 1917 г., понадобился период в четверть века. Власть, простирающаяся намного дальше, чем власть царя, делает страну гораздо сильнее и позволяет отвоевать территорию, потерянную империей» [22]. Позволим себе не согласиться с французским политологом. Во-первых, территория империи была потеряна исключительно в результате революции и гражданской войны. Во-вторых, «возврат» начал происходить в самом конце 1930-х гг. и в результате победы в Великой Отечественной войне. В-третьих, власть восточных сатрапов всегда простиралась дальше, чем та, что имел русский самодержец, а уж тем более «западные короли», но это не делало эти государства сильными, даже наоборот, и они никогда не являлись серьезными фигурами на международном уровне. Царская Россия, потеряв позиции после Крымской войны, все равно представляла собой серьезного игрока на внешней арене в конце XIX – начале XX вв. и занимала положение, которое СССР стал возвращать только к концу 1930-х гг.

Процесс индустриализации и рост ВВП в СССР, безусловно, происходил и в 1920-е и 1930-е гг., но следует понимать, что это рост от точки разрухи и по сравнению «с самим собой». Во-первых, после восьми лет войны, в начале мировой, а затем гражданской, промышленность страны была почти полностью разрушена, а сельское хозяйство находилось в плачевном со-

стоянии, и в сравнении с этим положением любое достижение казалось значительным. Во-вторых, показатели роста и сдвигов дают представление об искусственном движении вперед по отношению к 1922 или 1913 г. или в привязке к любому другому году, но не учитывает движение во времени и в окружающей среде. Другие страны, до уровня которых СССР собирался подняться, также развивались, и СССР был также далек от их уровня, как и Российская империя в 1913 г. Соизмерять необходимо соизмеряемые величины и их взаимное изменение во времени.

Так, с этой точки зрения царская Россия была отсталой страной, которая могла воевать только с еще более отсталой Турцией и терпела поражение от развитых стран и т.п., но через двадцать лет после окончания Первой мировой войны, в которой Россия потеряла от 2 до 4 млн человек, терпела поражения, но линия фронта проходила западнее современной границы РФ, а затем допустила германские войска до Волги и Москвы и потеряла в войне более 20 млн. Армия осталась та же – такая же крестьянская армия царского времени. Страна как до революции, так и после не могла воевать с развитыми странами. Так что миф о модернизирующем значении «Октябрьской революции» необходимо отставить. Именно после Второй мировой СССР стал индустриальной и военной сверхдержавой, а не после Октября. Те перемены, что произошли во время войны, повлияли на это, и страна сделала то, что не удалось за двадцать лет после революции.

Следует учитывать и тот факт, что индустриализация, проведенная в 1930-е гг., не дала эффекта для ведения войны, так как большая часть заводов осталась в оккупированной европейской части, а подготовленный рабочий класс снова ушел воевать. За годы войны и в период восстановления пришлось проводить новую индустриализацию – именно она и стала основой будущего могущества государства с победоносной армией, которая за годы войны преобразилась и стала по-настоящему новой и современной.

С 1928 г. годовой рост ВВП не сильно превышал дореволюционный уровень и составлял 4,2%, а вот уровень роста в 1950-х гг. превышал уже существенно – 5,7% годовых, что и привело советскую экономику к самым высоким достижениям за всю историю – 40% от объема ВВП США в 1955 г., 60% – в 1965 г., 52% – в 1975 г. В 1980-е гг. рост ВВП составлял уже 2% годовых [23]. Советская экономика, относившаяся к быстро растущим в 1950-х гг., превратилась в одну из самых медленно растущих в 1980-е гг. [24].

К модернизирующей роли (и функции) Русской революции (и революций вообще) необходимо подходить с большой осторожностью. Конечно, изменения были, их не могло не быть. Ускоренная индустриализация за счет ущемления других областей социальной и экономической жизни в 1930-е гг. имела место и сыграла свою роль (дискуссии о цене этой индустриализации вполне уместны). Однако основной «прорыв» СССР произвел не в 1920-е и

не в 1930-е гг., а в ходе и после Второй мировой войны за счет неимоверного напряжения и мобилизации всех ресурсов, в первую очередь людских. Даже если вести отсчет модернизационных процессов в России от начала 1920-х гг., то суммарных достижений этой модернизации и экономической «догоняйки» не хватило даже на полвека – срок ничтожный с исторической точки зрения.

Таким образом, если Русская революция и стала инструментом модернизации (в развитии уровня индустриализации), то в долгосрочной перспективе этот инструмент не сработал, этот путь дал слишком краткосрочный эффект и результат.

Как отметил исследователь российской экономики Пол Грегори, советская экономика сделала резкий скачок, однако если оценивать этот рост в долгосрочной перспективе, то эти показатели роста дореволюционной экономики на длинном промежутке не уступали бы показателям советской экономики [25].

Выводы

Возвращаясь к основному определению модернизации, под которым понимается переход от аграрных обществ к современным, промышленным и постиндустриальным [26], отметим, что данный процесс действительно стал неотъемлемым результатом всех революций.

Для С. Хантингтона модернизация – это структурная причина революции, тогда как для Б. Мура революция – структурная причина модернизации. «Как это ни парадоксально, оба, вероятно, правы» [27], – писал Чалмерс Джонсон. Здесь приходится согласиться с тем, что определить, какой из процессов влечет за собой следующий, достаточно проблематично. Революция становится, безусловно, главной причиной дальнейшей модернизации государства, в которой процессы модернизации структурно связаны друг с другом и находятся в зависимости, но размещены на длительном временном промежутке, и в конечном итоге имеют отношение к «породившей» их революции примерно так же, как индустриальная революция XVIII–XIX вв. к религиозным войнам в Европе XVI–XVII вв.

Революции не должны вести к демократии и демократическим изменениям в полном и современном понимании. Однако бесспорное последствие всех революций – это уничтожение привилегированного сословия, установление новой социальной структуры общества (по примеру стран Западной Европы и Америки, «по стандартам Нового времени»), что неминуемо в процессе развития общества ведет к «демократизации». И это изменение социальной структуры общества как следствие революции, которое в исторической перспективе ведет к урбанизации и демократизации, пожалуй, явля-

ется единственным признаком, в чем тезис модернизации в ходе революции не может быть оспорен.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Об особенностях Русской революции см.: Шульц Э.Э. «Классовый подход» и «пролетарский характер» революции 1917 г. в России // Вестник Российского Университета дружбы народов. Серия «История России». 2014. № 3. С. 47–61.
- [2] *Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence / Ronald Inglehart and Christian Welzel. Cambridge University Press, 2005. P. 15.*
- [3] *Gilman N. Mandarins of the future: modernization theory in Cold War America. Baltimore-London: The Johns Hopkins University Press, 2003. P. 5; Inglehart R., Welzel C. Op. cit. P. 1, 16.*
- [4] *Gilman N. Op. cit. P. 3.*
- [5] *Ibid. P. 5.*
- [6] *Gilman N. Op. cit. P. 266; Inglehart R., Welzel C. Gilman N. Op. cit. P. 17.*
- [7] *Gilman N. Op. cit. P. 270.*
- [8] *Inglehart R. Modernization and postmodernization: cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton University Press, 1997. P. 5.*
- [9] *Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004; Мау В. Реформы и догмы: 1914–1929. [Очерки становления экономической системы советского тоталитаризма]. М., 1993; Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина. Изд. 2-е. – М., 2004.*
- [10] URL: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/387301/modernization> [Modernization, in sociology, the transformation from a traditional, rural, agrarian society to a secular, urban, industrial society].
- [11] *Inglehart R. Op. cit. P. 7.*
- [12] *Inglehart R., Welzel C. Op. cit. P. 5–6.*
- [13] См.: *Боллингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 176; Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М., 2007. С. 186, 305; Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. М., 2006. С. 36; Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб., 2008. С. 29.*
- [14] См.: *Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 13. М., 1959. С. 7; Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 17. М., 1960. С. 339.*
- [15] *Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 45.*
- [16] Там же. С. 51.
- [17] *Eisenstadt S.N. Comparative Civilizations and Multiple Modernities. BRILL, 2003. P. 493; Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension of Modernity // Rethinking Civilizational Analysis / Ed by S.A. Arjomand, E.A. Tiryakian. Sage Publication Ltd., 2004. P. 48.*

- [18] *Eisenstadt S.N.* Some Observations on Multiple Modernities // Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations / Ed. by Dominic Sachsenmaier, Shmuel Noah Eisenstadt, Jens Riedel. BRILL, 2002. P. 27.
- [19] *Май В.А.* Сочинения в шести томах. Т. 1. М., 2010.
- [20] *Skocpol T.* States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge University Press, 1979. P. 285.
- [21] *Жувенель Б. де.* Власть: Естественная история ее возрастания. М., 2011. С. 296; *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 314; *Foran J.* Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions. Cambridge University Press, Cambridge, 2005. P. 11.
- [22] *Жувенель Б. де.* Указ. соч. С. 296.
- [23] *Ofer G.* Soviet Economic Growth: 1928–1985. RAND/UCLA, Center for the Study of Soviet International Behavior, 1988. P. V.
- [24] *Cohn S.H.* The productivity of Soviet Investment and the Economic Burden of Defense. Final Report to National Council for Soviet and East European Research. The Council, 1983. P. 6.
- [25] *Gregory P.R.* Russian National Income, 1885–1913. Cambridge University Press, 2004. P. 192.
- [26] *Vishnevsky A.* Modernization and Counter-Modernization in Russia // Russia in Global Affairs. 2006. Vol. 4. № 2. P. 8–9.
- [27] *Johnson C.* Revolutionary Change. – Stanford University Press, 1982. P. 176.

REFERENCES

- [1] Shults E.E. «Klassovyj podhod» i «proletarskij harakter» revoljucii 1917 g. v Rossii [“Class Approach” and “Proletarian Character” of Russian Revolution of 1917]. *Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzby Narodov. Serija “Istorija Rossii” – Bulletin of People Friendship University of Russia. Series of “Russian History”*, 2014, no. 3, pp. 47–61.
- [2] Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence* / Ronald Inglehart and Christian Welzel. Cambridge University Press, 2005, p. 15.
- [3] Gilman N. *Mandarins of the future: modernization theory in Cold War America*. Baltimore-London: The Johns Hopkins University Press, 2003, p. 5; Inglehart R., Welzel C. Op. cit., pp. 1, 16.
- [4] Gilman N. Op. cit, p. 3.
- [5] Ibid., p. 5.
- [6] Gilman N. Op. cit., p. 266; Inglehart R., Welzel C. Gilman N. Op. cit., p. 17.
- [7] Gilman N. Op. cit., p. 270.
- [8] Inglehart R. *Modernization and postmodernization: cultural, economic, and political change in 43 societies*. Princeton University Press, 1997, p. 5.
- [9] Gavrov S.N. *Modernizacija vo imja imperii. Sociokul'turnye aspekty modernizacionnyh processov v Rossii* [Modernization for the sake of the empire]. Moscow, 2004; Mau V. *Reformy i dogmy: 1914–1929* [Reforms and dogmas]. Moscow, 1993; Starodubrovskaja I.V., Mau V.A. *Velikie revoljucii ot Kromvelja do Putina* [Great revolutions from Cromwell to Putin]. Moscow, 2004.

- [10] Modernization, in sociology, the transformation from a traditional, rural, agrarian society to a secular, urban, industrial society. URL: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/387301/modernization>.
- [11] Inglehart R. Op. cit., p. 7.
- [12] Inglehart R., Welzel C. Op. cit., pp. 5–6.
- [13] Bolingbroke H. *Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii* [Letters on studying and advantage of history]. Moscow, 1978, p. 176; Guizot F. *Istorija civilizacii v Evrope* [History of civilization in Europe]. Moscow, 2007, pp. 186, 305; Mignet F. *Istorija Francuzskoj revoljucii, 1789–1814* [History of the French revolution, 1789–1814]. Moscow, 2006, p. 36; Tocqueville A. *Staryj porjadok i revoljucija* [Old Regime]. St.-Petersburg., 2008, p. 29.
- [14] Marx K. K kritike politicheskoj jekonomii [To criticism of political economy]. Marx K., Engels F. *Compositions*. Moscow, 1959, 2nd ed., vol. 13, p. 7; Marx K. Grazhdanskaja vojna vo Francii [Civil war in France]. Marx K., Engels F. *Compositions*. Moscow, 1960. 2nd ed., vol. 17, p. 339.
- [15] Eisenstadt S. *Revoljucija i preobrazovanie obshhestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij* [Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations]. Moscow, 1999, p. 45.
- [16] Ibid., p. 51.
- [17] Eisenstadt S.N. *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. BRILL, 2003, p. 493; Eisenstadt S.N. *The Civilizational Dimension of Modernity // Rethinking Civilizational Analysis*. Ed by S.A. Arjomand, E.A. Tiryakian. Sage Publication Ltd., 2004, p. 48.
- [18] Eisenstadt S.N. Some Observations on Multiple Modernities. *Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations*. Ed. by Dominic Sachsenmaier, Shmuel Noah Eisenstadt, Jens Riedel. BRILL, 2002, p. 27.
- [19] Mau V.A. *Sochinenija v shesti tomah* [Composition in six volumes]. Moscow, 2010, vol. 1.
- [20] Skocpol T. *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge University Press, 1979, p. 285.
- [21] Jouvenel B, de. *Vlast': Estestvennaja istorija ee vozrastanija* [Power: Natural history of its increase]. Moscow, 2011, p. 296; Huntington S. *Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah* [Political order in changing societies]. Moscow, 2004, p. 314; Foran J. *Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions*. Cambridge University Press, Cambridge, 2005, p. 11.
- [22] Jouvenel B., de. Op. cit., p. 296.
- [23] Ofer G. *Soviet Economic Growth: 1928–1985*. RAND/UCLA, Center for the Study of Soviet International Behavior, 1988, p. 5.
- [24] Cohn S.H. *The productivity of Soviet Investment and the Economic Burden of Defense. Final Report to National Council for Soviet and East European Research*. The Council, 1983, p. 6.
- [25] Gregory P.R. *Russian National Income, 1885-1913*. Cambridge University Press, 2004, p. 192.
- [26] Vishnevsky A. Modernization and Counter-Modernization in Russia. *Russia in Global Affairs*. 2006, vol. 4, no. 2, pp. 8–9.
- [27] Johnson C. *Revolutionary Change*. Stanford University Press, 1982, p. 176.

RUSSIAN REVOLUTION AND PROBLEM OF MODERNIZATION

E.E. Shults

Department of International Relations
State University of Nizhny Novgorod
Ulyanova Str., 2, Nizhny Novgorod, Russia, 603005

The article is devoted to the analysis of the concept of state modernization as a result of revolutions exemplified by the Russian revolution. There are considered researchers' approaches to the problem of modernization of states after revolutions, analyzed the problem zones of the concept, in particular with respect to the Russian revolution. The author questions the historiography view that the reasons and consequences of revolutions are caused by problems of modernization in a state (which is incapable to solve these problems by reforms). These statements were fully applied to the Russian revolution. The author comes to the conclusion that the Russian revolution of 1917 was the first one the tasks of which purposefully included modernization of the state. From the author's point of view, revolution certainly becomes the structural reason of further modernization of the state in which modernization processes (urbanization, industrialization and democratization) are structurally interconnected and interdependent, but are within a long time interval. According to the author, the only thing where the thesis of modernization during revolution can't be challenged is the change of the social structure of society.

Key words: modernization, Russian revolution, theory of revolution, modernization concept, urbanization, industrialization.